

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

© 2006 В.И. Сапунов

Воронежский государственный технический университет

Неолиберальная теория глобализации предоставляет мощное идеологическое прикрытие агрессивной сущности современного капитала, продвижению его классовых интересов. Понятие глобализации оказалось весьма удобным потому, что представляло описываемый им процесс как естественный, неизбежный и безальтернативный, а кроме того, связанный с развитием технологий. Более того, ортодоксальные приверженцы глобализации заверяют, что она несет миру больше положительного при неизбежных издержках. Как писал Г. Киссинджер, “Американская предприимчивость сформировала широкие рынки и породила стандарты личного потребления, которые в предшествующие века были доступны только самым богатым людям” [1, 235].

Одним из главных компонентов неолиберального дискурса в международных отношениях является свободная торговля, которая должна увеличивать эффективность экономик и максимизировать благосостояние населения. Чтобы поддерживать свободную торговлю, организации — оплоты неолиберализма (прежде всего ВТО) делают все для ограничения и блокирования государственного и общественного регулирования экономической деятельности.

Например, Договор о связанных с торговлей аспектах прав на интеллектуальную собственность (ТРИПС) резко ограничивает возможность государств отказываться в патентировании определенной продукции или контролировать использование продукции, запатентованной в других странах (включая обязательное лицензирование для обеспечения доступности жизненно необходимых медикаментов). Договор о связанной с торговлей инвестиционной политике (ТРИМС) ограничивает возможность государств предъявлять требования к прямым иностранным инвестициям (ФДИ), особенно поощряя вложения, связанные с использованием местной рабочей силы. Проект изменений в Генеральное со-

глашение по торговле услугами (ГАТС) заставит государства открыть национальные рынки услуг, в том числе в сфере здравоохранения и образования для иностранных инвесторов. Проект Генерального соглашения по поставкам (ГПА) отрицает возможность государств использовать при подписании контрактов неэкономические критерии, такие как условия трудовой деятельности или экологию. Эти документы редко анализируются в буржуазных СМИ, так как им невыгодно обсуждение непопулярного противостояния “частное — общественное”. Вместо этого они предпочитают указывать на плюсы свободной торговли как таковой.

Эти плюсы описываются в современных неолиберальных трактовках теории “сравнительного преимущества” Рикардо, предложенной в 1821 году в работе “Принципы политической экономии и налогообложения”. Суть теории Рикардо в том, что лучшая экономическая политика страны — та, что позволит нерегулируемому международному рынку определять ее сравнительное преимущество и в конечном итоге то, что она должна производить¹. В интересующем нас контексте можно выделить четыре ветви неорикардианских теорий. Наиболее важной и часто применяющейся является теория Хекшера-Олина, которая утверждает: если в основе сравнительного преимущества страны лежат ресурсы, то страны третьего мира, практически не обладающие капиталом, должны концентрироваться на производстве, требующем интенсив-

---

¹ Например, писал Рикардо, если Португалия превосходит Англию и в производстве вина, и в производстве одежды, но большее преимущество имеет в виноделии, то этим странам необходимо разделить рынок так, чтобы Португалия сконцентрировалась на производстве вина, а Англия — на производстве одежды. Тогда торговля между двумя странами максимизирует прибыли для них обеих.

ного труда. Другая теория, базирующаяся на уравнении “производительные факторы – цена”, предполагает, что свободная торговля поднимет цену на интенсивно используемые производительные силы (главным образом, имеются в виду неквалифицированные рабочие в развивающихся странах), и в итоге цена производительных сил во всем мире уравнивается. Третья теория – Стоплера-Самуэльсона, утверждает, что от свободной торговли пострадают прежде всего наиболее уязвимые производительные факторы: капитал в “третьем мире” и рабочие в богатых странах. Четвертая теория – теория технологического разрыва, сторонники которой утверждают, что, если в одной отрасли экономики страны начинают применяться технологические новшества, то страна получает сравнительные преимущества. Постепенно технологический разрыв должен преодолеваться, так как технологии становятся достоянием других стран.

К основным достоинствам неорикарданских теорий обычно относят: полное использование производительных сил в процессе реструктуризации экономики, реальность цен, поддержание баланса международной торговли, преодоление технологического отставания бедных стран. Наибольшие сомнения вызывает первый тезис. Сама по себе капиталистическая экономика не способна функционировать на основе полной занятости, так как безработица необходима для запугивания производительных классов и их шантажа потерей работы. Посыл о том, что потерявшие в результате воплощения механизмов свободной торговли работу быстро и безболезненно найдут себе новые рабочие места, также спорен. Рабочие (как и другие производительные силы) вряд ли будут столь продуктивны на новом рабочем месте, если оно не соответствует их специальности. Помимо трудностей переквалификации, необходимо учитывать психологический фактор перемены рабочего места, чаще всего в сторону понижения социального статуса, ведущий к стрессам и понижению производительности труда. То есть даже если предположить, что будут использованы все производительные силы, стоимость реструктуризации для страны превысит все доходы от свободной торговли.

Тезис о реальности цен не выдерживает критики в контексте монопольной сущности современного глобального капитализма. Поддержание баланса международной торговли выглядит весьма уязвимым перед лицом набравшего огромную мощь спекулятивного капитала, что наглядно продемонстрировали азиатские финансовые кризисы конца 90-х. Что касается трансфера технологий, то практика показывает, что технологическое развитие не приближает, а отдаляет стра-

ны “третьего мира” от наиболее богатых государств. Перенос производства обычно требует лишь дешевой рабочей силы, смягчая таким образом проблемы занятости, элиты бедных стран мало заботятся о заимствовании технологий. Кроме того, всякая имплементация новшеств, хотя и обещающая прибыль в будущем, требует первоначальных вложений, на что коррумпированная компрадорская буржуазия идет редко.

Если рассмотреть механизм неолиберальной экспансии с практической точки зрения, то прежде всего надо вспомнить, что в 1960-е – 70-е годы большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки покрывали торговый дефицит за счет займов в западных банках. Экономическая нестабильность в США и других развитых капиталистических странах вызвала рост процентных ставок кредитования и глобальную рецессию. Стоимость займов для развивающихся стран резко увеличилась, их доходы от экспорта пошли вниз, вызвав “долговой кризис” в странах “третьего мира”. Не уверенные в возврате кредитов, банки значительно сократили предоставление займов, усугубив экономические и социальные проблемы бедных стран.

Чтобы справиться с этими проблемами, страны Азии, Африки и Латинской Америки стали искать новые пути привлечения западных денег. Такой путь был найден в виде прямых иностранных инвестиций (ФДИ). За них в “третьем мире” развернулась яростная борьба. Одна за другой бедные страны создавали на внутреннем рынке либерализованную, дерегулированную, бизнес-ориентированную среду. ТНК откликнулись на эти изменения (которым, впрочем, они, правительства западных стран и международные организации, в значительной мере способствовали), и в 1991–98 годах ФДИ составили 34 % от чистого притока капитала в страны “третьего мира”. Именно в 90-е годы был налажен перенос производства, особенно составных частей и компонентов, а также сборки, в эти страны для резкого уменьшения себестоимости продукции. США преимущественно сосредоточились на зоне НАФТА, ЕС – на Восточной Европе, Япония – на Восточной Азии. В результате страны этих регионов осуществили быструю неолиберальную реструктуризацию и стали крупнейшими экспортерами промышленных товаров, прежде всего высокотехнологичной продукции: транзисторов и полупроводниковых приборов, телекоммуникационного оборудования, компьютеров и их составных частей, другой офисной техники. Итогом стало увеличение доли экспорта промышленных товаров в общем объеме экспорта развивающихся стран с 20 процентов в 1970-е – начале 1980-х до 70 процентов в конце 90-х [28].

Обычно экономисты – протагонисты неолиберальной экономической модели упоминают именно эти цифры в качестве доказательства ее эффективности. Однако не стоит считать приток ФДИ и экспорт промышленных товаров показателем динамичного развития. Сети промышленного производства и торговли, контролируемые ТНК, не внесли существенного вклада в подъем уровня жизни, экономическую стабильность или перспективы устойчивого национального развития. Американский экономист М. Харт-Ландсберг фиксирует три причины, по которым этот вклад не был внесен.

Во-первых, либерализация внутреннего рынка осуществлялась за счет сворачивания собственной промышленности, ориентированной на импорт и конкуренцию на международном рынке, что привело к значительной потере экономического и политического суверенитета, безработице и деиндустриализации. Во-вторых, деятельность ТНК в “третьем мире” редко сопровождалась переносом технологий и созданием интегрированной национальной промышленности. ФДИ и перенос производства сделали экспорт развивающихся стран зависимым от импорта, уменьшив их прибыль от международной торговли. В-третьих, процесс трансграничного накопления капитала все более увеличивает зависимость стран “третьего мира” от внешнего потребления. Конечным пунктом назначения для продукции бедных стран чаще всего являются США, и экспорт “третьего” мира зависит от способности Америки справиться со своим колоссальным торговым дефицитом [17].

“Либерализация торговли” привела к тому, что в начале XXI века 70 % мировой торговли и 75 % мировых инвестиций приходятся на пять сот ТНК [10]. Такая концентрация экономических и финансовых рычагов власти, являясь результатом несправедливого распределения ресурсов, экономического обмена, тарифного произвола и режы – открытого грабежа, требует соответствующего обоснования. Поэтому политическая экономия современных глобализационных процессов является одним из главных факторов, детерминирующих их коммуникационную составляющую. Деятельность транснациональных медиамонополий, которые сами являются мощным генератором прибыли, направлена в том числе на соответствующее информационное обеспечение обозначенных выше неокOLONIALных тенденций. Однако слова “неокOLONIALный” в ортодоксальных СМК мы не встретим. Отношения между “ядром” и “периферией” и в самой “периферии” коннотируются как “постколониальные”, “свободная тор-

говля”, “помощь”, “сотрудничество”, “устойчивое развитие”, “структурные реформы”.

В период Уругвайского раунда ВТО 80-х и 90-х годов США агрессивно выступали за расширение “международного информационного обмена”, фактически – за реализацию концепции “свободной торговли” в информационной сфере, отмену национального протекционизма в области культурной продукции. Экономические ставки были очень высоки – культурная продукция занимает второе место в общем объеме американского экспорта. Однако, как неоднократно отмечал автор, у процесса есть две взаимосвязанные стороны. Индустрия развлечений (кинофильмы и сериалы, музыка и видео, компьютерные игры и программы), экспортируемая США в развивающиеся страны и Европу, не просто приносит медиамонополиям прибыль, но и служит мощнейшим идеологическим инструментом, механизмом формирования необходимых социокультурных стандартов, в том числе легитимизации существующей системы международных политэкономических отношений. Экспорт таких стандартов создает и условия для экспорта американских товаров, и идеологическое обеспечение соответствующих торговых и финансовых отношений.

Для расширения глобального рынка масс-медиа устанавливают определенные ценности и стандарты: успеха, поведения, красоты, человеческих отношений, женственности, мужественности, любви, секса и тому подобного. Корыстолюбие и стремление к наживе любой ценой, равнодушие к проблемам своей Родины и даже предательство и измена объявляются не такими уж страшными пороками. СМК создают глобального потребителя со всевозрастающим желанием покупать то, что производят ТНК, и не задумываться над причинами существующего мирового порядка. Масс-медиа поощряют идеологию индивидуализма, базирующуюся на разрушении механизмов коллективного сопротивления. Внедряются идеи “конца истории”, “конца идеологии”, “конца репрезентации”. Фактически глобализация означает лишь глобализацию капитала, так как вся унификация осуществляется в удобной ему колее. В то же время неолиберальные глобализационные процессы ведут к углублению социальных, расовых, религиозных и национальных противоречий. С. Хантингтон, один из ортодоксальных американских либеральных философов, выдвинул идею войны цивилизаций, пользующуюся огромной популярностью в США. Идея того, что мировые ресурсы слишком невелики, чтобы народы мира могли пользоваться ими равноправно, находит отражение в неорасистских концепциях, воплощающихся в неоли-

беральной глобализации (США, где проживают лишь 4,1 % мирового населения, потребляют около 60 % мировых ресурсов). Любая девиация встречается с мощным отпором капиталистической системы, в том числе в виде информационной войны.

Наиболее актуальной в этом плане видится Латинская Америка, где неолиберальный курс столкнулся с наиболее жестким сопротивлением. Пропаганду здесь можно разделить на две компоненты. Первая – системная критика и нетерпимость к социалистическим руководителям Венесуэлы и Боливии – У. Чавесу и Э. Моралесу, а также к левым политикам в Перу и Мексике – У. Айала и Л. Обрадору, которые не стали президентами своих стран, но подошли к этому очень близко.

Масс-медиа США имеют огромный опыт информационных войн против социалистических лидеров Америки южного полушария (Ф. Кастро, С. Альенде, Д. Ортега), и пропагандистский арсенал американских СМИ с годами практически не меняется, хотя обстоятельства изменились значительно. Несмотря на то, что президент Венесуэлы дважды выиграл демократические выборы и победил по результатам референдума 2004 года, СМИ Соединенных Штатов не гнушаются называть Чавеса диктатором и “хардлайнером”. При этом по данным чилийской социологической службы Латинбарометро Венесуэла занимает первое место на континенте по количеству людей, считающих свою страну демократической [7]. Естественно, Венесуэла с ее потенциалом природных ресурсов потребовала новых пропагандистских подходов. Журналист “Вашингтон Пост” Дж. Дил регулярно называет социальные реформы в Венесуэле, направленные на справедливое распределение доходов от нефти, “антидемократическими”. Он же в материале от 4.04.06 обвиняет эту страну в том, что она “покупает поддержку других латиноамериканских стран с помощью миллиардов долларов, вырученных от продажи нефти”, забывая о триллионах, потраченных США на поддержку марионеточных режимов и политиков по всему миру.

Х. Фореро из “Нью-Йорк Таймс” в январе 2006 года заявляет, что борьба с бедностью, объявленная Чавесом приоритетом, это “поток расходов, инструмент для получения голосов среди бедных избирателей”. Ничего не говоря об успехах социальной политики в Венесуэле, Фореро акцентирует внимание на том, что Чавес до сих пор не обновил дорогу из Каракаса в аэропорт. В мартовском (2006 год) репортаже Си-Эн-Эн, посвященном митингу противников Чавеса, выступавших за интенсификацию борьбы с бан-

дантизмом, собравшиеся (около 2 тысяч) были показаны в замкнутом ракурсе, не позволявшем определить точное число людей. Митинг сторонников Чавеса (около 10 000), утверждавших, что президент Венесуэлы эффективно борется с преступностью, был удостоен лишь крупных планов. Это не только не дало возможности установить даже приблизительное количество митинговавших, но создало впечатление, что первый митинг был многочисленнее.

Когда в начале 2006 года министр обороны США Д. Рамсфелд назвал Чавеса Гитлером, американские СМИ оставили этот ярлык без комментариев. Чаще всего Чавес представляется подобно персонажу комиксов, в стиле латиноамериканского фольклора. Вся эта буффонада сопровождается зловещими оттенками и пафосом постоянной угрозы для США и Латинской Америки. По данным альтернативной правозащитной организации в медиасфере FAIR, 95 из 100 материалов американских СМИ враждебны Чавесу [15]. Атаки на других левых лидеров Латинской Америки придают американской медиапропаганде системность. Успехи социалистов на континенте журналист “Нью-Йорк Таймс” Д. Риф в одном из февральских номеров 2006 года назвал “скорее знаком отчаяния, чем надежды”. Очевидно, что без использования природных ресурсов в национальных интересах и пропорционального распределения доходов от нефти, развития за счет экспорта углеводородного сырья промышленной и социальной инфраструктуры, у стран Латинской Америки нет надежды освободиться от доминирования транснационального капитала².

Не забывают западные СМИ и о своем “давнем друге” Ф. Кастро. Задача систематизации антикубинской пропаганды в американских масс-медиа выходит далеко за рамки задач этой статьи. Обратим внимание на два показательных примера, которые приводит американский политолог М. Паренти. 26 декабря 1997 года теледиктор Всемирной службы Би-Би-Си с энтузиазмом декларирует: “Рождество на Кубе: впервые за почти 40 лет кубинцы могут отмечать Рождество и посещать церковь!” Затем она связывается с корреспондентом Би-Би-Си в Гаване, он сообщает: “Около 2 тысяч человек собрались у кафедрального собора для полуночной

² О манипулятивной стратегии мировых информационных агентств в отношении Латинской Америки см. также: Сапунов В. Технологии манипулятивного воздействия мировых информационных агентств // Акценты: новое в массовой коммуникации. – № 3-4. – Воронеж, 2006. – С. 31-43.

мессы. Людей немного, почти столько же, сколько и в прошлом году”. В прошлом году? Но ведь это вроде бы было запрещено?! И диктор быстро переводит разговор на другую тему: “Можем ли мы ожидать больше свободы на Кубе после визита папы?” 22 января 1998 года в ток-шоу на Пи-Би-Эс ведущий Ч. Роуз спрашивает одного из гостей: “Сожалеет ли Кастро об историческом провале коммунизма на Кубе?” — “Нет, — отвечает гость, — Кастро может гордиться достижениями в здравоохранении и образовании, полной занятостью населения и победой над худшими проявлениями бедности”. Роуз одарил гостя уничтожающим взглядом и обратился к другому приглашенному: “Какое значение для Кубы будет иметь визит папы Иоанна Павла II?” Выказавшийся в поддержку Кастро гость больше слова не получил [26].

Второе направление пропагандистского курса американских СМИ — поддержка неолиберального договора о свободной торговле в Центральной Америке САФТА. Перед подписанием договора в августе 2005 года проблемы возникли не только с подписанием договора некоторыми странами Латинской Америки, но и с Конгрессом США, где документ был ратифицирован с большим трудом. Семантику редакционных статей американских СМИ легко обобщить в нескольких тезисах: отвергнуть САФТА — значит обречь Латинскую Америку на дальнейшую бедность, подорвать демократические институты в ней, интенсифицировать поток беженцев в США. Редакционная статья “Вашингтон Пост” в июле 2005 года гласила: “Поражение САФТА сыграет на руку не движениям, борющимся против бедности, а антиамериканским демагогам”. “Эдиториал” “Нью-Йорк Таймс” тех же дней “педальировали” преимущества САФТА: создание тысяч рабочих мест, укрепление демократии и безопасности в регионе и другие. Следуя классическим пропагандистским традициям, американские СМИ начали размещать критические материалы о САФТА только после подписания договора. К таковым можно отнести ноябрьские (2005 год) статьи в “Тайм” “Почему Латинская Америка кусает Буша?” и “Лос-Анджелес Таймс” — “Уважая Латинскую Америку”. В те же дни “Нью-Йорк Таймс” разместила материал, описывавший сомнительные методы, с помощью которых Буш протаскивал документ в Конгрессе.

С момента подписания аналога САФТА — НАФТА прошло уже более десяти лет, и легко сделать выводы о выигравших и проигравших. Выиграл крупный капитал, получивший новые рынки сбыта, возможности переноса производства и использования дешевой рабочей силы. Проиграли разорившиеся мексиканские ферме-

ры, задавленные американской пищевой промышленностью и сетевой торговлей, и американские рабочие, потерявшие места (400 000 в 2004 году) из-за хлынувшей в США дешевой рабочей силы из Мексики (разорившиеся фермеры, городская беднота) и переноса производства в Мексику.

Африка — континент, наиболее пострадавший от неолиберального сценария последних 20 лет. Как и весь “третий мир”, африканские страны встретились с препятствиями на пути развития в результате экономического спада в США 70-х годов. Рост цен на нефть, увеличение процентных ставок и падение цен на экспортируемые из Африки товары сделали невозможным возвращение долгов западным странам. В начале 80-х совокупное отношение внешнего долга континента к экспорту составило 500 процентов. Это вынудило африканцев обратиться к деньгам МВФ и Всемирного банка.

Условия этих международных финансовых структур хорошо известны — резкое сокращение социальных расходов и создание благоприятной внутренней и внешней среды для мультинационального капитала (например, “Уругвайский раунд” ВТО 1993 года лишил африканские страны южнее Сахары преференций в международной торговле, дальнейшая ее либерализация открыла африканский рынок для потока дешевых товаров из Азии, жестоко ударившего по местному производству). Но главное заключается в том, что долговое бремя, созданное МВФ и ВБ, не идет ни в какое сравнение с долгами африканцев до 80-х годов. В том же 1993 году объем совокупного внешнего долга Африки впервые сравнялся с валовым национальным продуктом континента [8, 417]. В 2002 году министр финансов Нигерии А. Сироме привел следующие данные: “В 1984 году долг Нигерии МВФ составлял лишь 5,5 миллиардов. С того времени мы выплатили процентов на 17,5 миллиардов долларов. Сейчас наш долг составляет 28 миллиардов долларов”. В том же году президент Нигерии О. Обасанджо заявил, что его страна уже переплатила по своим долгам МВФ в 2 раза больше, чем занимала [25].

Благодаря хитрым финансовым схемам создается порочный круг заимствований, когда, тратя большую часть бюджета на оплату внешнего долга, страна не может обойтись без новых заимствований. При этом национальным правительствам запрещается тратить доходы от природных ресурсов на развитие промышленности, инфраструктуры, образования и здравоохранения, деньги должны вкладываться в западные банки или способствовать созданию благоприятной бизнес-среды. Долговое бремя выступает надежным гарантом такой экономической поли-

тики, а кроме того, национальная элита, сформированная главным образом компрадорской буржуазией, имеет личные сбережения (в том числе – результат “откатов” западным корпорациям и институтам) в западных банках, которые будут “заморожены” при плохом поведении.

Надо сказать, что политэкономическое и геополитическое значение Африки в XXI веке резко возрастает. “Национальная стратегия безопасности для Соединенных Штатов”, документ, разработанный под контролем наиболее влиятельных “ястребов” американской администрации (Вулфовица, Рамсфилда, Либби и других), предусматривает, что “борьба с глобальным террором” и обеспечение энергетической безопасности США должны включать в себя увеличение американской активности в Африке и “процедуры по поддержанию региональной безопасности” на этом континенте [13]. Как пишет “Уолл-стрит Джорнэл”, в 2006 году командование ВС США в Европе (Штутгарт, ФРГ) стало уделять 70 % своего рабочего времени Африке. В 2003 году этот показатель равнялся нулю [19]. Р. Хаас, президент американского Совета по международным отношениям, в своем докладе в конце 2004 года отмечал: “В конце десятилетия Африка южнее Сахары может стать настолько же важным энергетическим источником для США, как и Ближний Восток” [12].

Нефтяные резервы Западной Африки оцениваются в 60 миллиардов баррелей, эта нефть отличается низким содержанием серы, что особенно ценится в Америке. Американские исследовательские центры предостерегают, что в конце десятилетия каждый пятый баррель нефти в глобальной экономике будет добываться в западноафриканском Гвинейском заливе, в 2010 году доля западноафриканской нефти в общем объеме американского нефтяного импорта увеличится с 15 до 20 процентов, а в 2015 году – до 25 процентов [12]. Уже сейчас Нигерия поставляет 10 % от всей импортируемой США нефти, Ангола – 4 %, и этот показатель может удвоиться в течение 10 лет. Недавно обнаруженные запасы нефти могут превратить в значительных игроков нефтяного рынка и другие страны региона: Экваториальную Гвинею, Сан-Томе, Габон, Камерун и Чад. Судан уже стал крупным экспортером нефти, Мавритания должна выйти на мировую арену в 2007 году.

США имеют лишь одну военную базу в Африке – в Джибути (с 2002 года). Однако эта база позволяет США контролировать морскую зону, через которую проходит четверть всех мировых поставок нефти, а также находится в непосредственной близости от суданского нефтепровода. В рамках “антитеррористической профилак-

ки” командование ВС США в Европе осуществляет работы по ремонту взлетно-посадочных полос и дорог для быстрой доставки армейского персонала, вооружения и топлива в Уганде, Сенегале, Гане, Габоне и Намибии, а также ведет переговоры с правительствами этих стран о быстром развертывании американских вооруженных сил. Объектами внимания являются ангольская нефть и нефтепровод Чад – Камерун.

Для усиления военной активности есть причины – многие африканские страны с нефтяными запасами имеют плохие отношения с США. Прежде всего это Судан, для дестабилизации обстановки в этой стране используются волнения в богатой нефтью провинции Дарфур. Ангола еще не забыла гражданскую войну, развязанную террористической группировкой УНИТА Ж. Савимби, созданной и финансировавшейся США и расистским режимом ЮАР. В Мавритании в 2005 году путем военного переворота был свергнут проамериканский диктатор Э. О. Мохаммед Тайа. Нигерию разъедают коррупция и трения между мусульманским югом и немусульманским севером, грозящие гражданской войной. Вооруженные повстанцы в дельте реки Нигер постоянно захватывают иностранных специалистов и воруют около 300 000 баррелей нефти в день. Недавно пережили попытки военных переворотов Сан-Томе (2003 год), Экваториальная Гвинея (2004 год) и Чад (2004 и 2006 годы). Возможность вооруженной интервенции в Судан и Нигерию уже обсуждается американским истеблишментом. В то же время Китай, также остро нуждающийся в энергетических ресурсах, развивает на африканском континенте невиданную активность. Уже сейчас КНР импортирует 25 % нефти именно из Африки, прежде всего из Судана, Анголы и Конго. В отличие от США китайцы предпочитают кнуту пряник. КНР является главным инвестором в экономику Судана, субсидирует экономику Нигерии, продает этой стране истребители. В 2004 году Китай резко пошел против интересов США, предоставив Анголе низкопроцентный заем в 2 миллиарда долларов, чем спас ее от требований МВФ реструктуризировать экономику и социальную инфраструктуру по нелиберальным правилам.

Африка перестает быть источником только золота, драгоценных металлов и крокодильей кожи, она превращается в поле битвы за энергетическое выживание. Разумеется, все это не может не сопровождаться соответствующим информационным обеспечением. Западный капитал практически не участвует напрямую в африканском медиасекторе (хотя есть и исключения, например французская радиостанция Медитэрен-1, базирующаяся в Габоне). Африканский

рынок является слишком узким и не дает существенной прибыли от рекламы. Поэтому “агентами влияния” являются местные коррумпированные правительства, которые держат СМИ в жестких рамках. Хотя африканцы традиционно воспринимают журналистов как носителей правды и нет ни одного факта убийства представителя прессы или электронных СМИ в африканских общинах, некоторые африканские страны считаются одними из самых опасных в мире для журналистов. Неоколониализм поощряет похищение, запугивание и физическое устранение неугодных журналистов. Скажем, после военного переворота в Нигерии 1993 года режим генерала С. Абачи запретил 17 изданий, арестовал 54 журналистов и 300 000 экземпляров газет и журналов [23]. В 1995 году 4 журналиста были казнены по обвинению в участии в заговоре против С. Абачи. При этом генерал Абача, как ранее и генерал И. Бабангида, обеспечивал бесперебойную поставку нефти на мировой рынок по нужным ценам и в нужном количестве и пресекал любые проявления “исламского фундаментализма”, поэтому официальный Вашингтон никогда не включал Нигерию в “ось зла” или даже в список недемократических стран. Нигерия, являясь одной из самых мощных стран африканского континента, представляет собой и пример наиболее опасной для журналистов страны. Однако большинство африканских газет, журналов и электронных медиа действуют в схожих условиях. Как альтернативу можно рассматривать хотя и авторитарные, но имеющие плохие или не очень хорошие отношения с США режимы (а соответственно и медиасистемы) в Судане, Анголе, Зимбабве, Мали, Мавритании.

Такой статус африканских масс-медиа не может способствовать их развитию. По данным ЮНЕСКО, на Африку приходится лишь один процент издаваемых в мире ежедневных газет, тогда как население этого континента составляет 10 % от мирового. Лишь 15 человек из тысячи читают ежедневные газеты [16]. В некоторых африканских странах вообще нет ежедневных газет. Газеты выходят в основном на европейских языках и недоступны большей части населения. Низкий уровень развития печати, особенно южнее Сахары, объясняется общей неграмотностью, нехваткой квалифицированных кадров, отсутствием современных технических средств и неразвитой инфраструктурой.

Наднациональное агентство ПАНА после приватизации 1997 года фактически распрощалось с идеей выступать в качестве альтернативного источника информации для Африки и об Африке. Большое количество национальных агентств используются лишь в качестве “почто-

вых ящиков” для западных агентств. На семинаре ЮНЕСКО, посвященном деятельности национальных информационных агентств, были, в частности, отмечены подобные отношения между АФП и франкоязычными африканскими агентствами, агентствами Бельга и АЗАП (Заир), португальским АНОП и Ангоп (Ангола) [16]. Все это используется западными информагентствами для пропагандистской деятельности на африканском континенте, который поделен ими на зоны влияния.

Главная роль в формировании глобального имиджа Африки принадлежит западным СМИ. Пафос африканских сюжетов незамысловат — племена, джунгли, трайбализм, анимизм, примитивизм, дикость, каннибализм, темнота. Плюс голод, болезни, войны и другие ужасы. Катастрофические проблемы Африки (9,5 миллионов беженцев) представляются в духе информационного вуайеризма, коммерциализированных ужасов, доминирования изображений над содержанием. Показ детей, страдающих от рахита и дистрофии, это еще не привлечение внимания к человеческим трагедиям, необходим анализ причин голода, войн и эпидемий, поиск решения проблем. Иначе западные зрители смотрят на детей как на “иконы боли”, но забывают о них вместе со следующим сюжетом.

700-миллионное население континента воспринимается как одна страна, а не как 45 стран с разной историей и культурными традициями. По данным исследований медиаорганизации Медиа Тенор за период с января 2002 года по июнь 2003 года включительно лишь 0,2 % (507) сюжетов крупнейших западных телеканалов (Си-Эн-Эн, Си-Би-Эс, Би-Би-Си, Ай-Ти-Эн и других) из 23 587 рассмотренных касались Африки [4]. Исследования, проведенные в Италии с 10 октября 1999 года по 31 марта 2000 года, показали, что из 21 500 новостей итальянского телевидения лишь 128 (чуть более 0,5 %) касались Африки. 68 % новостей были негативными [21]. Стереотипизация и двойные стандарты являются главными манипуляционными механизмами. Американский исследователь Р. Чавис ставит вопросы: “Почему то, что в Европе называется этнической общностью, в Африке считается племенем? Почему маленькие люди в африканских джунглях униженно называются пигмеями, а оленеводы такой же комплекции в Гренландии — лапландцами? Наконец, почему взрывы американских посольств в Кении и Танзании в 1998 году рассматривались западными медиа только в контексте ущерба США, в то время как большинство погибших составляли африканцы?” [6]

Африканские эмигранты, которым удалось благополучно устроиться в Европе или США,

сами делают вклад в создание негативного имиджа своего континента, ославляя свою Родину. Но чаще всего эмигрантов используют для негативизации “третьего мира” без их согласия. Низкий социально-экономический статус, отсутствие реальных перспектив интеграции, постоянная неуверенность и незащищенность в отношении занятости, проживания, оплаты и условий труда, социального страхования, иногда незнание языка ведут к тому, что мигранты сами обрекают себя на жизнь по определенным шаблонам. Во Франции из 100 детей-иностранцев 20 детей покидают школу в 16 лет, не научившись читать и писать по-французски, у 60 человек были серьезные трудности и только 20 человек получили настоящую школьную подготовку. В ФРГ около 20 % детей эмигрантов не ходят в школу, только 6 % школьников-иностранцев достигают высшей ступени средней школы [3, 608]. Отсюда чувство несправедливости, озлобленность, криминал – факторы, активно используемые масс-медиа для создания образа стран “третьего мира” и его граждан, оправдания несправедливых механизмов мировых политэкономических отношений. В совокупности с имиджем самого африканского континента и других развивающихся стран это формирует образ “чужого”, интенсифицируя ксенофобию. Негативный образ Африки отпугивает не только обывателей, но и инвесторов, что дает простор для деятельности авантюристов и спекулянтов.

Важнейшее направление западной пропаганды – создание шаблонов западного стиля жизни, консюмеризма. Но, как и в большинстве развивающихся стран, из-за своей бедности африканцы потребляют не столько товары, которые глобализация сделала “доступными” для них, сколько образы товаров и иллюзии. Действует принцип “*lecher la vitrine*”³, “оконный шопинг”, побуждающий молодых людей искать красивой жизни на Западе. Коммодификация может осуществляться и на основе “маркетабельных” национальных традиций. Образцы африканского текстильного творчества, украшения, знаки отличия, музыкальные инструменты давно стали объектом подделок западных фирм, об авторском праве речи, конечно, не ведется. Коммерциализируются традиционные танцы и обряды. В странах арабской Африки магазины заполнены вуалями западных фирм, а под вуалью женщина может скрывать весь арсенал косметики западных производителей. Африканская культура во всем ее многообразии: музеи, литература, календари, так же как и качественные репорта-

жи об истории, природе и географии Африки, просачиваются лишь в эфир образовательных программ с ничтожным рейтингом.

В целом освещение событий в Африке осуществляется западными масс-медиа по пяти основным направлениям: (1) отбор событий (умолчание), (2) деконтекстуализация, (3) драматизация, (4) гиперсупплификация и примитивизация, (5) семантическая обработка (“племя”, собирательное “африканцы” и так далее).

Тем не менее, на африканском континенте есть и альтернативные масс-медиа. Альтернативное мировое информационное агентство ИМС (Индимедиа) имеет значимые узлы в Южной Африке и Нигерии, позволяя африканским журналистам и желающим высказаться публиковать свои материалы без официальной или экономической цензуры. В апреле 2006 года в Кейптауне состоялась конференция “Рабочее образование и рабочие медиа в глобальной экономике”, организатором которой выступила международная профсоюзная медиаорганизация WWMP (Мировая рабочая медиаорганизация), базирующаяся в ЮАР и производящая видео- и радиoproграммы. Спонсором выступила Международная федерация ассоциаций рабочего образования. О разнообразии проблем в африканских странах можно судить, например, по выступлениям южноафриканских и нигерийских делегатов. Первые высказали сожаление, что хотя профсоюзы являются совладельцами некоторых частных каналов, проблемы рабочих редко попадают на их экраны. Вторые напомнили, что многие страны Африки испытывают существенные проблемы с электричеством, не говоря уже о телефоне и Интернете, о неграмотности населения. Все это значительно осложняет работу профсоюзов. На конференции было принято решение о создании Международной сети рабочих СМИ, целью которой будет обучение рабочих журналистике и организации работы медиа, технологическое обучение, увеличение аудитории существующих и создание новых рабочих газет, радио- и телепрограмм [24].

Наиболее рельефно противоречия глобализационных процессов проявляются, конечно же, в период войн США и их союзников против “плохих стран”, “стран-изгоев”. Агрессивные войны имманентны для империалистического капитализма, они помогают преодолеть неизбежную для монополярной капиталистической экономики стагнацию и способствуют интенсификации экспансии капитала. Помимо этого, мировая капиталистическая экономика постоянно подвержена глобальным трансформациям. Нынешняя ситуация характеризуется не только общемировым экономическим спадом, но и падением от-

³ “облизывания витрин”

носительной экономической мощи США. В 1950 году на США приходилось около 50 % общемирового ВВП, в 2003 году этот показатель упал до одной пятой. В 1960 году на США приходилась половина всех мировых ФДИ, в начале XXI века американские ФДИ не превышают 20 % общемировых. По прогнозам Голдман-Сакс не далее, как в 2039 г. КНР может обогнать США и стать крупнейшей мировой экономикой [29].

Растущая угроза гегемонии США вынуждает американскую элиту использовать современные экономические и военные преимущества для того, чтобы заложить надежный фундамент долговременного американского доминирования в мире. Цель сегодняшней интервенционистской политики США — лишить конкурентов стратегических ресурсов для противостояния Америке в неблагоприятной для последней экономической ситуации. Военные расходы США составляют половину общемировых. При этом США сочетает военную силу с экономическими мерами: контроль над капиталом, торговлей, тарифами, стоимостью доллара и стратегическими сырьевыми ресурсами. Р. Дж. Арт, профессор международных отношений университета Брандейс, сформулировал 3 основные стратегические цели для поддержания американской гегемонии: доминирование над странами Евразии (традиционная геополитическая цель США), контроль над мировыми поставками нефти и развитие глобальных капиталистических отношений [5, 1-11].

Структура внешнеполитической информационной машины США претерпела на рубеже XX–XXI веков значительные изменения. После второй мировой войны, как известно, “столпом” американской пропаганды служило Информационное агентство Соединенных Штатов, в состав которого входили Голос Америки, Свобода / Свободная Европа и Уорлднет, в 1999 оно вошло в структуру госдепартамента США, что подчеркнуло важность информационной составляющей в предстоявших войнах. В том же году в госдепартаменте была создана Группа международной общественной информации (IPIG) и поднадзорная госсекретарю Группа по международной официальной информации (IOIG), которая объединила представителей госдепартамента, агентства США по международному развитию (USAID), Национального совета по безопасности, министерства обороны и других ведомств того же рода. Интенсификация монополизации частных электронных СМК усилила пропагандистский кулак.

Были разработаны концепции “информационной интервенции”, “информационной блокады” и физического уничтожения информацион-

ной инфраструктуры противника. В более мягком варианте схемы физического воздействия осуществлялись и ранее. Например, американские самолеты глушили сигналы наземных телестанций в Гренаде, Панаме и Боснии. Также в Боснии 10 октября 1997 года спецоперация сил НАТО в Боснии СФОР, ответственность за которую они так и не взяли, уничтожила телепередатчик канала СРТ в Белжине (Республика Српска), с помощью которого боснийские сербы преодолевали натовскую информационную блокаду. Во время войн в Югославии, Ираке и Афганистане американцы уже открыто бомбили телевизионные комплексы РТС, Иракского телевидения и радиостанции талибов, а когда противник выходил в эфир из резервных студий, в дело шли магнитные бомбы, создававшие помехи при ретрансляции. В Афганистане также на частотах разбомбленных станций движения Талибан с американских самолетов начиналось вещание Голоса Америки.

Профессор Оксфордского университета М. Прайс констатирует основные способы реализации внешней информационной политики США в мирное время:

- направление субсидий “предпочтительным” СМИ,
- содействие “экспорту” определенных правовых и структурных моделей построения системы СМИ,
- предоставление определенных льгот странам, принимающим такие модели,
- использование ВТО и других мировых экономических организаций для принуждения государств вести определенную экономическую политику в отношении СМИ (прежде всего имеется в виду их разгосударствление и дерегулирование медиасектора. — В. С.),
- развитие прецедентного международного права с тем, чтобы установить определенные пределы и стандарты для национальных законов,
- использование “информационной интервенции” в конфликтных регионах [2, 215-216].

Добавим, что американская администрация планирует видоизменить формат государственной радиопропаганды. Доклад Н. Паттиза, предпринимателя в сфере радиобизнеса, сопредседателя комиссии по эффективности работы Голоса Америки, подготовленный в 2001 году, предлагал радикально изменить концепцию американского международного вещания и приблизить ее к стандартам коммерческих ФМ-станций. Такой же формат планируется придать “Ближневосточной радиосети”, рассчитанной на молодую арабскую аудиторию. Кроме того, пропагандистские станции переводятся на более популярный у молодежи ФМ-диапазон. Целевой аудиторией стра-

тегического использования музыки и развлечений будут молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет. Одним из примеров нового пропагандистского подхода может служить частное радио Максимум (совместное производство Стори Ферст и Московских новостей), созданное в России и поддерживающее образ энергичной станции для модных людей, которые смотрят в будущее. Стратегическая цель проекта — это уже не внушение “правильных” новостей, а внушение “правильного” образа жизни, “правильных” социокультурных шаблонов: аполитичность, невнимание к общественным проблемам, исключительно “позитивный” настрой, открытость для контакта с внешним миром, любовь к западной музыке, западному стилю жизни.

В период военных действий маятник информационных войн раскачивается наиболее интенсивно. В то же время освещение американскими СМИ, скажем, ситуации в Ираке, которая сложилась по окончании “фазы активных боевых действий”, нередко доходит до комизма, граничащего, впрочем, с трагизмом. 9 мая 2005 года еженедельный журнал новостей “Ньюсвик” опубликовал знаменитый материал о том, как охранники тюрьмы на базе Гуантанамо оскверняли Коран. Сведения об осквернении священной книги ислама возмутили мусульманский мир больше, чем пытки мусульман в американских тюрьмах. Несмотря на то, что статья содержала документированную информацию со ссылками на надежные источники в ЦРУ, ФБР и Пентагоне, Белый дом возмутился не фактами, изложенными в ней, а самим фактом ее появления. В прессе развернулась кампания по выяснению того, имел ли “Ньюсвик” достаточно доказательств того, что священная книга была смыта в туалете. А Нью-Йорк Таймс 4 июня 2005 года дала свою версию информации о том, что охранники мочились на заключенных и Коран: “Охранник помочился рядом с вентиляцией, и ветер случайно сдул мочу на заключенного и Коран”. Другие американские СМИ, хотя и не доходили до крайностей, тоже приняли сторону правительства, а не журнала. В итоге “Ньюсвик” вынужден был отречься от своего материала.

Общая линия СМИ США в освещении сегодняшних событий в Ираке — давать как можно меньше информации и изображений касательно трагедии иракского народа: террора, бандитизма, голода, отсутствия элементарных удобств и другого. “Прикрепленные” журналисты редко покидают пределы “зеленой зоны” радиусом в 4,5 мили и не могут похвастаться более глубоким знанием иракской действительности, чем их коллеги в Америке, черпающие информацию из Интернета. 14 апреля 2006 года в

университете Колумбия состоялась конференция, посвященная состоянию мировых средств массовой информации. Журналисты, выступавшие на ней, особенно отметили, что, хотя умолчание всегда было одним из главных механизмов военной пропаганды, такого жесткого контроля над информацией, что имеет место сейчас в Ираке, не было никогда.

Ч. Глас, бывший ближневосточный корреспондент Эй-Би-Си, вспоминает, что в 1982 году в период вторжения Израиля в Ливан эту страну будоражили слухи об израильских “отрядах смерти” Шин Бат, уничтожавших ливанских мирных жителей. Гласу и его команде удалось заснять факты зверских убийств, совершенных Шин Бат, свидетельства очевидцев, “миротворцев” ООН, спокойно наблюдавших за убийствами и обсуждавших их. Этот материал так не появился в эфире, так как руководство заявило, что для него нет времени в эфире. Касаясь событий в Ираке, Глас отметил, что американцы не просто не видят сегодняшних событий, но и не знают их подоплеку, например того, что США фактически предали курдов, дав С. Хуссейну карт-бланш на жесткие операции против них, а в период ирано-иракской войны поставляли Ираку оружие массового поражения, которое могло использоваться против курдов. А в 2003 году американская элита начала войну против Ирака в поисках оружия массового поражения, С. Хуссейна судят за применение такого оружия против курдов.

Корреспондент британской “Индепендент” на Ближнем Востоке Р. Фиск заявил, что освещение иракского конфликта англо-американскими СМИ осуществляется большей частью на основе официальных источников. Описывая манипулятивную семантику масс-медиа в Ираке, он приводит пример: “Мы постоянно слышим: “человек в полицейской форме”. Человек в полицейской форме захватил заложников, человек в полицейской форме захватил Маргарет Хасан, люди в полицейской форме напали на полицейскую станцию, люди в полицейской форме подняли восстание в Эль-Фалудже. Неужели репортеры, пишущие весь этот мусор, не понимают, что в Ираке нет подпольных мануфактур по пошиву униформы, и большинство этих действий осуществляет официальная иракская полиция?” Фиск рассказывает, как в августе 2005 года он посещал морг в Багдаде и получил сведения о том, что только за последний месяц в Ираке погибли 1100 человек, сотрудники же министерства здравоохранения Ирака получили директиву от американских и британских официальных лиц не давать западным журналистам этих сведений. Фиск заключает: “Каждый добросовестный журналист, побывавший в Ираке,

понимает, что иракский проект мертв... что в Ираке настоящая катастрофа. Однако мало кто осмеливается сказать об этом. И это наш позор”.

Как известно, только в марте-апреле 2003 года за малейшую критику американской кампании в Ираке в США были уволены 35 журналистов, журналисты “Вашингтон Пост” и “Кристин Сайенс Монитор” были высланы из Ирака. В число уволенных попал даже “герой” войны 1991 года, журналист Си-Эн-Эн П. Арнетт, который во время “бури в пустыне” комментировал прямые трансляции бомбардировок Багдада. А 31 июля 2006 года в дни войны Израиля против Ливана две журналистки амманского бюро Фокс Ньюс С. Саббах и Дж. Карадшеш уволились по собственному желанию. Их демарш был связан с тем, что, по их мнению, Фокс превратился в инструмент пропаганды Израиля. С. Саббах заявила, что освещение конфликта Фокс носит расистский характер по отношению к мусульманам, и особенно отметила недопустимость использования местоимения “мы”, когда речь идет об Израиле. Непосредственным поводом для отставки стал новостной текст канала, утверждавший, что Хезболла использует детей и женщин в качестве щита [18].

Британский журналист и режиссер Дж. Пилджер провел историческую параллель с вьетнамской войной. “Тогда против гражданского населения применялось экспериментальное оружие. Миллионы людей покидали свои дома, те, кто не успевал, гибли тысячами. Но это не попадало в новости. Негласной задачей репортеров была “нормализация невысказанного”... Сегодня, когда в Ираке погибли 100 000 человек, а журналисты пишут об этом как о геополитическом акте и продолжают муссировать идею о демократии в этой стране, когда Би-Би-Си в лучшем случае называет агрессию “просчетом”, мы вновь имеем дело с «нормализацией невысказанного»”. Кстати, согласно исследованиям Кардиффского университета, 90 % материалов Би-Би-Си перед началом военных действий в Ираке утверждали, что С. Хуссейн обладает оружием массового поражения. Пилджер добавил: “Мы знаем, что МИ-6 придумывала истории об оружии массового поражения в Ираке, которые затем превращались в материалы британских СМИ. Но МИ-6 могла не утруждать себя: самоцензура дала бы такой же результат” [20].

Необходимо отметить, что дискуссии в США как о самой войне в Ираке, так и о ее освещении в СМИ, ведутся, в основном, в рамках борьбы истеблишмента. Говорится о

“неверных методах” ведения войны, о необходимости использования большей хитрости в реализации американских интересов. На той же

конференции С. Херш, журналист Нью-Йоркер, отмечал, что с Ираном надо вести себя “по-киссинджеровски”, а не “по-бушевски”. Хотя, естественно, проблема не в Буше. Нынешняя американская администрация отдает предпочтение силовым методам установления мировой гегемонии, но совершенно не отказывается и от экономических и конспиративных рычагов с помощью вышеупомянутых столпов мировой финансовой системы. Примерами могут служить Катарский раунд ВТО, направленный на либерализацию мировой торговли путем более широкого открытия рынков развивающихся стран для западного капитала, вышеупомянутый договор САФТА, электоральные операции на Украине и в Грузии, референдум в Черногории. Оттого, что другая администрация, возможно, предпочла бы больший баланс в пропорции “кнут-пряник”, ни политическая, ни экономическая, ни коммуникационная составляющие американского дискурса не изменились бы существенно. Надежность коммуникационной составляющей цементируется первыми двумя, обеспечивающими монопольную медиасистему механизмами стабильности, а та, в свою очередь, обеспечивает информационную поддержку первым двум.

Настоящая статья в основном затрагивает проблемы, вытекающие из капиталистических противоречий между развитыми странами и странами “третьего мира”. Но эти противоречия нельзя рассматривать в отрыве от ключевого — между капиталом и трудом. “Установление демократии” в Ираке, “погоня за Бен Ладеном”, “раскрытие террористического заговора” в лондонском аэропорте Хитроу, “социалистическая угроза” в Латинской Америке — все это служит замечательным информационным щитом от острых социальных проблем американского общества. Еще в 1974 году будущий финансовый казначей США У. Саймон фактически призвал к ужесточению классовой войны “сверху”. Он обратился к финансовому и бизнес-сектору с предложением “вернуть привилегии и власть, которые они потеряли в годы Великой депрессии и послевоенной социально ориентированной политики”. Атаки на социальные аспекты трудовых договоров, урезание зарплат и увольнения, перенос производства, использование дешевого труда рабочих стран “третьего мира” стали поддержкой такого призыва. Как писала в те дни газета “Бизнес Уик”, “некоторым теперь придется удовлетворяться меньшим... Это будет горькой пилюлей для многих американцев — проглотить идею того, что они будут иметь меньше за счет того, что крупный бизнес будет иметь больше” [22].

Жесткое наступление на основные принципы демократии в США в последние 20 лет отра-

жается в соответствующих политэкономических показателях. В материале “Уолл Стрит Джорнэл” от 13.05.2005 читаем: “Хотя американцы по-прежнему считают, что их страна — это земля исключительных возможностей в отличие от классово структурированного общества в Европе, факты говорят о другом. Исследователи все чаще приходят к выводу, что американское общество больше не обладает социальной мобильностью, которой оно раньше так гордилось. В 80-е годы “наследственное преимущество” (преимущество экономической, финансовой и социальной позиции родителей, передававшееся от родителей детям) составляло 20 процентов. В этом случае внук богатого дедушки не имел особых привилегий по сравнению с внуком бедного... Сейчас ситуация изменилась. “Наследственное преимущество” достигает 45-60 процентов. Теперь даже богатство прапрадеда может дать внукам существенные привилегии”. “Нью-Йорк Таймс” от 14.11.2002 приводит цифру в 65 процентов, ссылаясь на аналитика Банка Чикаго Б. Мазумбера.

Как известно, основное отличие класса от социальной страты — самовоспроизводство. Приведенные цифры свидетельствуют, что эффективность классового самовоспроизводства в США резко возросла и не имеет аналогов в современной капиталистической истории. Богатые становятся богаче, бедные беднеют — и скорость этого процесса возрастает. В 50-е — 70-е годы на каждый доллар, заработанный 90 % населения США “снизу”, приходились 162 доллара, полученные 0,01 процентами самых богатых. С 1990 по 2002 годы на каждый доллар, заработанный 90 % населения США “снизу”, приходились уже 18 000 долларов для 0,01 % самых богатых [9, 186].

Эти показатели, разумеется, не являются сугубо экономическими. “Наследственное преимущество” дает возможность получить лучшее образование, получать лучшее медицинское обслуживание, путешествовать и еще широкий спектр преимуществ, позволяющих удержать социальный статус, экономическую и политическую власть, и таким образом сохранять статус-кво в обществе, которое на поверхности имеет характеристики меритократии, общества равных возможностей. Как отмечает американский экономист Дж. Б. Фостер, “классовые вопросы выходят за рамки индивидуальных или семейных возможностей в США, более широкая перспектива показывает, что класс является главной движущей силой в построении современного общества, он управляет процессами распределения власти и потенциалом социальных изменений. Таким образом класс проникает во все сферы социального бытия” [12].

Либеральный взгляд на эти проблемы иллюстрирует недавно вышедшая в США книга бывшего репортера Си-Би-Эс Б. Голдберга “Предвзятость”. Под предвзятостью Голдберг понимает отношение левых журналистов к проблемам социального неравенства в этой стране. По его мнению, большинство бездомных в США — это пьяницы, наркоманы и потенциальные пациенты сумасшедших домов, которых недобросовестные журналисты и те, кто за ними стоит, окружают сочувствием, преследуя корыстные интересы. Однако заключительный отчет Американской конференции мэров говорит о другом — потребность в необходимых для выживания пище и жилье в Америке является самой высокой за последние 10 лет. 40 процентов бездомных составляют семьи с детьми. По данным “Лос-Анджелес Таймс”⁴ в Лос-Анджелесе 3 миллиона официально находятся за порогом допустимой (18 000 долларов в год) бедности, 600 000 человек постоянно испытывают голод, 45 % тех, кого классифицируют как “food insecure”⁴, составляют дети. По данным американского Института экономической политики 12 % семей в США не могут позволить себе необходимую еду, простейшее жилье и элементарное медицинское обслуживание [10]. Конечно, в числе бедных и бездомных есть и алкоголики и наркоманы, но Голдберг вряд ли потрудится задуматься о причинах, которые выбросили их на обочину жизни. Думается, немалая их часть оказалась в таком положении из-за невозможности приспособиться к несправедливым устоям либерального капиталистического общества.

Американские ортодоксальные СМИ редко обращаются к проблемам бедности и нищеты, неравноправия в получении образования и медицинских услуг, депрессивных тенденций в низшем и среднем уровнях “среднего класса”, тем более отсутствует системный анализ несправедливостей в американском классовом обществе. Это во многом объясняется тем, что медиасектор является составной частью капиталистической системы, и во многом, прямо или косвенно, повинен в вышеописанных явлениях. Наиболее жестко монополизирован аудиовизуальный сектор, однако и 5 общенациональных газет США тесно связаны с крупным капиталом.

Например, “Нью-Йорк Таймс компани”, владелец газеты “Нью-Йорк Таймс”, провозглашенной американским “мейнстримом” символом объективности, имеет основного хозяина. Это семья Зульцбергер-Оксов, которой принадлежат 18 % акций класса А, играющих на бир-

⁴ Не имеющие гарантий получения пищи.

же, и 87 % акций класса В, которые не играют на бирже, но дают полномочия выбирать 9 из 14 членов Совета директоров. Общий холдинг Зульцбергер-Оксов в “Нью-Йорк Таймс компани” составляет 1,2 миллиарда долларов. Кроме того, бизнес-интерес в холдинге имеют Ай-Би-Эм, инвестиционный банк Ферст Бостон, Торговый банк Канзас-Сити, Бристол-Майерс (фармацевтика), Фелпс-Додж (медная промышленность), Метрополитан Лайф и другие корпорации. Компания также имеет кредитную линию в 200 миллионов долларов у группы коммерческих банков и периодически использует банковские инвестиции для гарантий своих акций и других ценных бумаг. Очевидно, что промышленный, банковский и финансовый капитал не позволит газете отклоняться от интересов корпоративного сообщества (хотя, по либеральной мифологии, таких интересов у нее нет).

В 70-е годы символ американской качественной прессы не устоял перед тенденциями инфотэйнмента. Важным фактором, помимо общих тенденций, стало падение стоимости акций компании с 53 долларов в 1968 году до 15 долларов в 1976. 30 августа 1976 года “Бизнес Уик” поместила статью “Что стоит за падением прибыли в «Нью-Йорк Таймс»?” В ней руководство газеты обвинялось в “летаргии и крене влево”, а также в том, что газета заняла “враждебную бизнесу позицию, забывая о том, что сама она — бизнес-предприятие” [14]. Крен влево был сильным преувеличением, “Нью-Йорк Таймс” имеет яркую историю борьбы с левыми журналистами, например в эру маккартизма из газеты были уволены все сотрудники-коммунисты за то, что те отказывались писать антисоветские материалы и доносить на коллег по работе. 6 августа 1948 года редакционная статья “Нью-Йорк Таймс” критиковала использование Пятой поправки в случаях защиты антиамериканских публикаций, по обвинению в которых на 100 % проходили коммунисты.

Как бы то ни было, в середине 70-х газета после основательной чистки кадров сделала резкий поворот вправо и была переориентирована на более мягкие и приятные для инвесторов и рекламодателей новости и большее количество информации из официальных и надежных источников. И, разумеется, в газете увеличилось количество материалов о стиле жизни, отдыхе и досуге знаменитостей, кулинарии и домоводстве, особые привилегии имели новости из мира моды. “Нью-Йорк Таймс” претендовала на публикацию полезной для потребителя информации, однако, как справедливо заметил американский эколог и общественный деятель, бывший кандидат в президенты, Р. Надер, “никто не нанес

потребителям в США столько вреда, сколько Нью-Йорк Таймс, так как она сыграла на понижение потребительской информации, перенесла внимание с “горячих картофельных полей” на готовую продукцию, которую необходимо приобретать, даже несмотря на ее антиэкологичность”. Инфотэйнмент не мешал, впрочем, публиковать откровенно предвзятые комментарии в пользу неолиберальной политики. Скажем, 22 февраля 1981 года Дж. Рестон утверждал, что “рейганомика включает в себя серьезную попытку равномерно распределить неудобства жестких мер по всем сегментам общества” [14]. В то же время громкие скандалы в бизнес-сообществе, например, дела S&L, Банк оф кредит, Коммерс Интернэшнл, “не замечались” “Нью-Йорк Таймс”. При этом репортеры газеты звонили в эти организации, однако по заранее согласованному сценарию эти звонки оставались без ответа, и сбор информации на этом заканчивался.

Мы уже неоднократно говорили о принципиальной унифицированности и гомогенности западных медиасистем, особенно американской, даже, несмотря на бурное развитие коммуникационных технологий. Еще раз подчеркнем, что Интернет не оправдал возлагавшихся на него надежд по демократизации медийного пространства. Обратим внимание на аналитические исследования британской социологической компании “Медиа метрикс”. По ее данным, на фоне постоянного увеличения медиасайтов в Интернете, пользователи веб-ресурсов посещают все меньшее количество сайтов. Например, в США в 1999 году посетители Интернета проводили 20 % своего времени в виртуальной среде, обращаясь к 10 сайтам. Эта цифра выросла с 16 % в 1998 году. Еще больше увеличилось число тех, кто обращался к 50 наиболее популярным сайтам [27].

В декабре 2001 года по данным “Медиа метрикс” список наиболее популярных новостных сайтов выглядел следующим образом.

США

1. Тайм-Уорнер (АОЛ, Си-Эн-Эн)
2. МСН-Майкрософт (Эм-Эс-Эн-Би-Си)
3. Яху! (news. yahoo)
4. Ликос
5. Виванди-Юниверсаль (Vizzavi)
6. Примедиа (about)
7. Эксайт
8. Гугл
9. Дисней (Эй-Би-Си, GO)
10. Вайаком (Си-Би-Эс ньюз)

Весь мир

1. МСН-Майкрософт (Эм-Эс-Эн-Би-Си)
2. Тайм-Уорнер (АОЛ, Си-Эн-Эн)
3. Яху! (news. yahoo)

4. Виванди-Юниверсель (Vizzavi)
5. Примедиа (about)
6. Гугл
7. Ликос
8. Ликос Европа (владелец – группа Бертельсман)
9. Эксайт
10. Дисней (Эй-Би-Си, GO)

Этот список иллюстративно характеризует степень информационного плюрализма в Интернете. На сайте АОЛ присутствуют только международные новости Рейтер и внутриамериканские новости АП. Сеть “Гоу”, принадлежащая концерну Уолт Дисней, использует только международные новости Рейтер, разбавляя их новостями Эй-Би-Си. При этом служба “Эй-Би-Си – он-лайн” берет большинство новостей от АП и Рейтер, таким образом замыкая круг. Порталы Ликос и Яху! практически на 100 % заполнены новостями Рейтер и АП, лишь в поддиректориях Яху! можно найти материалы из американских газет. Ориентация портала Би-Би-Си на информацию АП и Рейтер делает “общественное вещание” в Интернете еще более зависимым от коммерческих факторов, чем обычное общественное вещание.

На рубеже XX–XXI веков можно выделить три попытки создать альтернативу Рейтер и АП – деятельность видеоагентств “ТВ Ньюз Веб” и “АутЗеаНьюз” (OutThereNews) и агентства “Глобализэйшн Ньюз Нетуорк”. Рассмотрим каждый случай подробнее.

“ТВ Ньюз Веб” – самый впечатляющий проект этой серии – был создан П. Хендерсоном, бывшим оператором Би-Би-Си. В начале 90-х он основал на Кипре новостную службу Ньюзфорс, которая опиралась на “фрилансеров”, имевших опыт работы в “горячих точках”: независимых журналистов, операторов, фотографов, продюсеров и технических работников. Работники Ньюзфорс должны были в экстренных ситуациях присоединяться к штатным работникам крупных вещательных корпораций и видеоагентств. Ньюзфорс создала систему из пятнадцати передвижных телевизионных станций, оснащенных спутниковым оборудованием, при которых работали телевизионные команды. Основными клиентами Ньюзфорс среди крупных масс-медиа были Рейтер и Би-Би-Си, кроме того, служба ориентировалась на мелких клиентов, которые не могли позволить себе размещать спутниковое оборудование за границей своих стран. В конце 90-х Ньюзфорс была выгодно продана Франс Телеком.

Хорошее понимание глобального процесса сбора телевизионных новостей, уникальный опыт и личные контакты давали Хендерсону возможность создать глобальную видеослужбу, пре-

тендующую на разрушение монополии Рейтер и АП. С этой целью в 1999 году появилось агентство “ТВ Ньюз Веб”, которое должно было распространять видеокартинку с помощью интернет-технологий. В основу финансирования, помимо венчурного капитала, были положены средства двух партнеров Хендерсона и деньги, полученные от продажи Ньюзфорс. Вскоре “ТВ Ньюз Веб” превратилось в глобального “он-лайн брокера”, получавшего и распространявшего мировые новости. Используя собственный видео-сервер, сотрудники агентства получали видеоизображение от независимых телевизионщиков, освещавших наиболее важные события по всему миру, и предлагали анонсы сюжетов на своем веб-сайте. Подписчики могли приобрести соответствующий репортаж (в том числе в прямом эфире) и показывать его в эфире своего канала.

“ТВ Ньюз Веб” проработало 18 месяцев и сделало себе хорошую рекламу среди профессионалов телевизионной индустрии. АПТН и Рейтер Телевижн стали видеть в нем серьезного конкурента, особенно после того как “ТВ Ньюз Веб” подписало контракт с Би-Би-Си о распространении сюжетов британской корпорации. От продажи каждого сюжета Би-Би-Си “ТВ Ньюз Веб” получало 35-50 процентов. Это давало возможность покупать определенные материалы независимых телестудий без многомиллионной подписки на услуги АПТН и Рейтер Телевижн.

Однако против “ТВ Ньюз Веб” сыграло слишком медленное развитие видеотехнологий в Интернете. С самого начала агентство в основном опиралось на распространение новостей через спутниковые системы, что требовало существенных затрат, и надеялось постепенно внедрить надежный и безопасный механизм передачи через Интернет. Однако время шло, и венчурный капитал устал ждать отдачи. В 2001 году агентство обанкротилось, так и не найдя новых инвесторов.

В 1996 году попытку создать конкурента АП и Рейтер в “оптовой” передаче видеoinформации предпринял бывший журналист Рейтер П. Идл. Так появилось агентство “АутЗеаНьюз”, целью которого был ответ на спрос на качественную видеoinформацию в Интернете. На пике своей деятельности агентство создало сеть из 41 корреспондента в 32 странах. В 2001 году, как раз в то время, когда “АутЗеаНьюз” вело уникальные по смелости репортажи о войне в Афганистане, инвесторы прекратили финансирование, и агентство обанкротилось.

Третьим агентством, попытавшимся бросить вызов АП и Рейтер, стало “Глобализэйшн Ньюз Нетуорк”. Его создателями были основатели некоммерческого интернет-сервера mediachannel.

org Д. Шехтер и Р. О'Коннор. В отличие от mediachannel.org "Глобализэйшн Ньюз Нетуорк" создавалось с целью получения прибыли и должно было поставлять подписчикам новости от журналистов – сотрудников местных СМИ на разных континентах. Основной специализацией было распространение оригинальных новостей о событиях в различных странах, подготовленных журналистами – гражданами этих стран, для подписчиков в США и Западной Европе. Через некоторое время у mediachannel.org начались финансовые проблемы, и его владельцы решили отказаться от идеи глобального новостного агентства.

Обратим внимание, что доминирующие политэкономические факторы за последние 5 лет несколько изменили конструкцию коммуникационного пространства. Это вызвано большей частью изменениям в позиции нынешней администрации США. Стратегически концепция империи-гегемона не подвергается сомнениям в американской элите и, хотя восходит еще к временам Т. Рузвельта, Трумэна и Эйзенхауэра, наиболее эффективно реализуется после развала Советского Союза. Речь идет лишь о тактических расхождениях. Администрация Клинтона, в частности, проводила политику "скрытой империи", "многосторонности", при которой США осуществляли "ненавязчивое" лидерство широкой коалиции крупных капиталистических стран. Это привело к созданию беспрецедентного единства Запада по отношению к агрессии против Югославии, что отразилось в беспрецедентной унификации западных СМИ в освещении этой войны. Администрация Буша избрала тактику глобальной империи, которой США будут управлять в одиночку, претензии США на единоличную гегемонию стали более открытыми, что, естественно, не понравилось европейским партнерам, с которыми и раньше не очень считались, однако теперь в случае с Ираком их мнением просто пренебрегли.

Кроме агрессивности нынешней американской администрации, в Ираке сыграл роль и объективный политэкономический фактор – еще одно ключевое противоречие капитализма – противоречие между империалистическими державами в их борьбе за источники сырья, за чужие территории. Если война против Югославии носила идеологически-геополитический характер, и западные державы, как это неоднократно случалось в истории, без особых проблем сплотились против православной страны, то в войне в Ираке идеологический компонент служил лишь для прикрытия истинных политэкономических и геополитических целей США, которые вошли в конфликт с целями большинства крупных стран

континентальной Европы. Результатом стало то, что Франция и ФРГ, а позже Испания и Италия отказались участвовать в иракской операции, и это не могло не воплотиться и в медиапространстве этих европейских стран, многие (и не только левая пресса, а и, например, государственные телеканалы РАИ или Франс-2) СМИ которых весьма жестко критикуют войну в Ираке. Гомогенная мировая медиасистема, выстроенная при Клинтоне, при которой агрессию против Югославии в основном поддержали и правые и левые газеты, рухнула.

Уроки истории вполне очевидны – попытки установить мировое господство военными методами, хотя и неизбежны при капитализме, обречены на провал, могут привести к еще более жестоким войнам. Можно лишь приветствовать антиимпериалистическую политику любых СМИ, однако нельзя забывать о том, что полноценное сопротивление возможно лишь на основе системной критики империализма как такового и его стержневого корня – глобального монопольного капитализма.

Итак, основными характеристиками современных глобальных информационных процессов являются:

- усиление гегемонии США и американского медиасектора,
- расслоение западного медиасектора по вопросам ресурсных регионов,
- отсутствие плюрализма по ключевым социальным вопросам,
- пропаганда либерализации и глобализации мировой экономики,
- пропаганда буржуазных, потребительских социокультурных шаблонов,
- борьба с девиантными информационными дискурсами,
- небольшое внимание проблемам бедности, социального и расового неравенства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / Г. Киссинджер. – М., 2002.
2. Прайс М. Масс-медиа и государственный суверенитет: Глобальная информационная революция и ее вызов государству. / М. Прайс. – М., 2004.
3. Экономическая теория (политэкономия) / под общ. ред. акад. В. И. Видяпина, акад. Г. П. Журавлевой. – М., 2004.
4. Africa Hardly Attracts Media Attention Despite Pressing Concerns // (<http://www.phpbbforfree.com/forums/viewtopic.php?p=634&mforum=obambla#634>)

5. Art, R. J. A Grand Strategy for America. / R. J. Art. Ithaca, 2003.
6. Chavis, R. Africa in the Western Media // (<http://www.africa.upenn.edu/Workshop/chavis98.html>)
7. Cook, J. Media Assault on Latin America // The Nation. 1.05.2006 (www.thenation.com/com/20060501/grandin0)
8. Cornia, G., Helleiner, G. From adjustment to development in Africa: Conflict, controversy, convergence, consensus? / Cornia, G., Helleiner, G. N. Y., 1994. – 417 p.
9. Correspondents of the New York Times, Class Matters. N. Y., 2005.
10. Douglas, S. The Liberal Media Strike Again // These Times, January, 2002.
11. El Saadawi, N. Neocolonialism and Media Dark Age // (<http://www.mediachannel.org/views/oped/neo.shtml>)
12. Foster, J. B. Aspects of Class in the United States: An Introduction // Monthly Review. Vol. 58, # 3. July-August, 2006.
13. Foster, J. B. A Warning to Africa: The New U. S. Imperial Grand Strategy // Monthly Review. Vol. 58, # 3. July-August, 2006.
14. Herman, E. All the News Fit to Print // Z magazine, April, 1998.
15. <http://www.fair.org>
16. <http://www.unesco.org>
17. Hart-Landsberg, M. Neoliberalism: Myths and Reality // Monthly Review. Vol. 57, # 11. April, 2006.
18. Jordan: Fox News producers resign over Lebanon coverage // Green Left Weekly. 23.08.2006
19. Kempe, F. Africa Emerges as Strategic Battlefield // Wall Street Journal, 25.04.2006
20. McNeill, S. Normalizing the Unthinkable. John Pilger, Robert Fisk, Charlie Glass, and Seymour Hersh on the failure of the world press // Z magazine, June, 2006.
21. Mezzana, D., Anglana, T. W. Una rappresentazione segregante. La costruzione dell’Africa come un mondo a parte (<http://www.greenleft.org.au/back/2006/665/665p246.htm>)
22. Moyers, B. This is the Fight of Our Lives // Speech at Inequality Matters Forum, New York University, June, 3, 2004. (<http://www.commondreams.org/views04/0616-09.htm/>)
23. Negbenebor, W. Globalization, Independent Media and Development of Africa // Z magazine, March, 1998.
24. O’Brien, S. South Africa: A Global Workers’ Media? // (<http://www.greenleft.org.au/back/2006/665/665p24b.htm>)
25. One world – double standard; newswatch publication in social economic policy (www.globalpolicy.org/soceon.index.html)
26. Parenti, M. Monopoly Media Manipulation // (http://members.tripod.com/thelastmessage/america/media_manipulation.htm)
27. Paterson, C. Prospects for a Democratic Information Society: The News Agency Stranglehold on Global Political Discourse // (<http://www.lse.ac.uk/collection/emtel/conference/papers/paterson.pdf>)
28. UNCTAD, Trade and Development Report 2002 (<http://www.unctad.org>)
29. Wilson, D., Purshothaman, R. Dreaming with BRICs’. # 99. 01.10.2003 (<http://www.gs.com>)

Рецензент – А. П. Короченский.

Статья принята к печати 10.10.2006.